
Ш. Г. УМЕРОВ

**ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ:
ЗАГРАНИЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
ЛЮДЕЙ «ДНА» КАК ПРОТОЖАНР
В НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

В статье рассматривается ряд опубликованных за последнее время книг, объединенных общей чертой: выходцы из социальных низов весьма выразительно описывают заграничные путешествия, которые они совершили. Перспективу становления соответствующей разновидности жанра путешествия автор статьи связывает с продолжением тех позитивных социально-исторических процессов, которые происходили в мире за последние два десятилетия.

Ключевые слова: путешествие, заграница, социальное «дно», жанр, художественность, межнациональные отношения, глобализация.

Описание путешествия (роман-путешествие, поэма-путешествие и т. п.) и изображение жизни на «дне» общества – жанры и темы, имеющие глубокие традиции в русской и мировой литературе. Особой близости между ними никогда не наблюдалось, на что имелись понятные причины. Однако, как свидетельствует русская проза текущих «нулевых» лет (повести и романы Марии Арбатовой, Миши Азнавур, Анатолия Рясова, Сергея Сакина, Александра Снегирева, Ярославы Таньковой и др. [Арбатова 2002; Азнавур 2007; Рясов 2003; Сакин 2002; Снегирев 2007; Танькова 2008]), потребность в далеких странствиях сейчас испытывают и такие социальные элементы, для которых прежде это было последней из всех ненужных им вещей на свете. Подобные и многие другие социально-культурные перемены, происходящие в современном мире, детерминируют трансформацию ряда известных художественных форм и рождение новых. Стремление взглянуть в черты одной из них определяет содержание настоящей статьи.

Протожанр – это предвестие жанра. Того, который может появиться. Но это еще не сам жанр. Этот эвентуальный жанр может

и не появиться. Может, так сказать, скончаться по дороге. Так появиться или нет соответствующий жанр? В этом особый интерес, который имеет данная тема, поскольку появление и утверждение такого жанра в литературе будет означать, что соответствующее социально-культурное явление закрепилось в окружающей действительности, в нашей жизни.

Название статьи касается обстоятельства художественного, литературного. Но за этим обстоятельством стоит наше время, поскольку новые жанры не являются из пустоты. Их становление обусловлено воздействием как собственно эстетических, так и социально-исторических факторов. На это справедливо обращал внимание, например, Сергей Павлович Залыгин в блестящем эссе о Чехове: «В... жанровом самосознании искусства сказываются его самостоятельность и его отношения с эпохой, его понимание требований времени... Ведь не искусство само по себе, руководствуясь только своим интересом, определило, когда следовало появиться тому или иному жанру, рассказу например. Законодателем нового явления было время, с его психологией, мировоззрением, образовательным цензом и передовым читателем, однако искусство должно было точно чувствовать ошибочность и безошибочность предъявляемых ему требований, их правомерность. <...> Творчество – это ведь еще и союз художника с жанром» (Компаньон 2001: 244–245).

Нынешняя потребность в жанре антиутопии (принципиально не новом, но развивающемся с небывалой энергией), в жанрах «невыдуманной» прозы (non-fiction), в некоторых других жанрах (фэнтези, например) тоже вызвана временем. Вызвана не в последнюю очередь ощущением того, что российское общество проходит переломный и одновременно какой-то слишком разболтанный исторический этап, что впереди – не за горами, а совсем близко – нас ожидают большие, неожиданные перемены. Возможно, атрибутом этой прогностической картины является и разбираемый жанровый мотив. Тем более что жанр «путешествий», по наблюдению его теоретиков, «наиболее сильно испытывает непосредственное влияние действительности, различных внелитературных обстоятельств» (Шачкова 2008: 281).

Прежде в заграничное путешествие (именно в путешествие, чтобы потом написать о нем, а не за пропитанием, как, допустим, голодные мальчишки в повести Александра Неверова «Ташкент –

город хлебный», и не только на заработки, как учитель Дефорж в пушкинском «Дубровском») отправлялись люди, имеющие средства. Маркиз де Кюстин, Теофиль Готье, Н. М. Карамзин, И. А. Гончаров...

Теперь, в постиндустриальный век, двинулись низы. Московские бездельники-«подонки» Спайкер со своим другом Собаккой, обманом добывшие британские визы и осчастливившие своим появлением Лондон, не скрывают перед читателем правды о себе: «Наша профессия – **бомжи!** (Высшее гуманитарное образование – не в счет)». И это показательно.

Жанр путешествия – жанр по преимуществу автобиографический. Насколько же правомерно относить к литературе опусы о путешествиях, сочиненные какими-то бомжами? Надо заметить, что вопрос о степени художественности, так сказать, литературности «путешествий» остается весьма дискуссионным независимо от социального статуса авторов таких произведений. Как справедливо напоминает исследовательница теоретических аспектов разного рода «путешествий» В. А. Шачкова, еще в 1960-е гг. этот вид текстов не определялся в отечественном литературоведении в качестве жанра (Шачкова 2008: 277).

Зато вышедший в начале 1970-х гг. очередной том «Краткой литературной энциклопедии» уже содержал обширную статью «Путешествие», которая начиналась решительным утверждением: «Путешествие – литературный жанр» (Сапрыкина, Шпагин 1971: 86). Тот же взгляд сохраняется в солидных энциклопедических справочниках и позже: например, в «Литературном энциклопедическом словаре» (1987), «Литературной энциклопедии терминов и понятий» (2001) – в обоих изданиях «путешествию» посвящены содержательные статьи В. М. Гуминского. Такое же представление развивали, например, и Ю. М. Лотман с Б. А. Успенским (1984: 567–582), его же придерживаются многие другие современные исследователи, хотя сохраняет свой вес и традиционная, более ригористическая точка зрения, согласно которой «путешествие» – лишь жанровая разновидность очерка или, самое большее, жанр публицистики (Н. Маслова), или некая «литература в литературе» (М. Г. Шадрин) (Шачкова 2008: 278) – это уже получается «паралитература».

Избегая отвлеченного теоретизирования по данному поводу, нелишне все же обратить внимание на более или менее распространенное мнение относительно существования таких законов художественного текста, которые способны априори определять специфику предмета литературы, предмета искусства в целом. Этот подход – в контексте обсуждения «путешествий» – проявляется, например, и у Ю. М. Лотмана с Б. А. Успенским, и у В. М. Гуминского, и у В. А. Шачковой, когда они пишут о «законах художественного текста», о «законах жанрового единства и жанровой автономии» (Лотман, Успенский 1984: 567; Шачкова 2008: 279).

Однако какой текст можно заведомо признать литературным, а какой – нет? Ведь тот материал, который рассматривается в данном случае, читатель вправе воспринимать просто как дневники, путевые записки. Где критерий, отделяющий художественную, литературную форму от сугубо частной, одномерно фактологической?

Заслуживает внимания позиция Антуана Компаньона, известного французского структуралиста, последователя Ролана Барта и Юлии Кристевой.

Отдав дань поискам критерия литературности, А. Компаньон пришел к выводу, что найти такой критерий невозможно: «...литература – это вечный недостаток логического основания». Его кредо: «Литература – это литература». Очень напоминает признание В. Маяковского: «Но поэзия – пресволочнейшая штукавина: существует – и ни в зуб ногой» («Юбилейное»).

Согласно выводу А. Компаньона, литературные тексты – это те, которые «общество использует, не соотнося их с их первоначальным контекстом», значение которых (применимость, релевантность) «не ограничивается тем контекстом, где они были впервые высказаны. Именно общество решает, какие тексты являются литературными, употребляя их вне их первоначального контекста».

И действительно. Представление о «литературности», о художественности исторически и социально изменчиво. Само искусство такими имманентными критериями не обладает. Бесполезно в творчестве Рубенса искать ответ на вопрос, являются ли искусством пейзажи Ван Гога. Точно так же Ван Гог не отвечает на подобный вопрос в отношении композиций Энди Уорхолла.

«...Литература, пережив в XIX веке сужение, в XX веке отвоевала назад часть утраченных территорий; <...> были признаны автобиографии и путевые заметки и т. д. <...> На пороге XXI века литература вновь стала почти столь же либеральной, как и изящная словесность до профессионализации общества» (Компаньон 2001: 39–40). Слово «либеральный» здесь вполне на месте. К концу XX – началу XXI в. либеральнее стал весь человеческий мир в целом. И чем более либеральным становится мировой социум, тем либеральнее он относится к сфере эстетического, тем либеральнее становится само мировое искусство.

Отдельно стоит отметить стремление А. Компаньона опровергнуть некоторые существующие мифы – прежде всего миф о роли стилистики как критерия литературности. «Стилистические вариации поддаются описанию только как отличия в значении; их релевантность носит лингвистический, а не собственно литературный характер. Между рекламным слоганом и сонетом Шекспира нет различия по природе – только по сложности» (Там же: 52–53).

В поставленном вопросе о заграничных путешествиях людей «дна» выделяется и еще одна сторона.

В определенном контексте «дно» и «богема» оказываются родственными понятиями. Не идентичными, но, по крайней мере, смежными. Недаром в знаменитой пьесе Максима Горького присутствует Актер – по мнению ряда исследователей, наиболее трагическая и даже главная фигура в общечеловеческой драме, разворачивающейся на «дне» жизни.

По резкости своего противостояния нормам благополучного, обывательского мира люди богемы не уступают людям «дна».

Путешествие – в фольклоре, в литературе – это всегда путь к себе. Так оно было у Одиссея, у Мцыри, у крестьян из «Кому на Руси жить хорошо»...

В конце романа Александра Снегирева «Как мы бомбили Америку» один из двух молодых (по 21 году каждому) друзей-москвичей признается: «Для меня все путешествие, по сути, было долгим возвращением домой. Только после пережитого за океаном я понял, насколько мне дорога Москва».

Сакинский Спайкер «высокомерно уезжал от российской грязи, пьянства и быдла в чистую страну прекрасных людей», но, пожив два месяца по-английски (это он сам так назвал свою жизнь вора

и тунеядца – «по-английски». Тонкий юмор. Почти что английский), Спайкер завыл и убежал без оглядки с берегов Туманного Альбиона. Лишь на тех далеких берегах Спайкер понял, что вообще-то не жить ему без любимого кафе «Серна» на Пятницкой улице в Замоскворечье (которое будет опозтизировано в его следующей повести «Умри, Старушка!» – ее действие уже полностью происходит в Москве), без всей своей компании подруг и приятелей... «Начался совершенно омерзительный приступ тоски по Родине. ...Я хочу домой, к Насте и сестре, к Серне».

Ему вторит герой романа-антипутеводителя «Три ада». В этом романе Анатолия Рясова описывается поездка люмпенизированной ориенталиста Виктора вместе с лихими разношерстными спутниками по трем странам Востока (Египту, Ливии и Турции). Виктор убеждается: «Рано или поздно осознаешь неизбежность абсолютного одиночества и ищешь выхода из лабиринта... Любовь постигается через смерть, а Родина – через отрицание».

Свои открытия состоялись у двух друзей из романа Александра Снегирева. После нескольких месяцев скитаний по трущобам, после разной, преимущественно черной, работы, после всяких проделок и приключений «на дне» они катят в ночном автобусе из штата Вирджиния в Нью-Йорк, откуда самолет уже скоро унесет их «домой, в нашу ледяную страну, сквозь вечер и атлантическую ночь». Позади осталась только что разразившаяся кровавая трагедия: муж хозяйки греческого ресторана, где они трудились, застрелил ее, задушил тестя, прикончил еще двух родственников и в конце концов сам погиб вместе с дочерью в подожженном им же доме.

Все изменилось и в Нью-Йорке, откуда начиналось американское путешествие молодых москвичей. На календаре середина сентября 2001 г. Только что были уничтожены башни-близнецы WTC. Другими стали лица горожан. «Уверенность сменилась испугом, а сосредоточенность – растерянностью». На месте знаменитых небоскребов «виднелась гора дымящихся обломков, напоминающая вулкан. Повсюду работали уборочные машины. Казалось, что мертвеца спешно пытаются заgrimировать под живого. Швейцары смывали гарь перед подъездами, но серые хлопья, походившие на скорбных птиц, слетались снова».

Итак, «летнее путешествие заканчивалось. Мы покинули юность и прибыли в мир взрослых. Он встретил нас пожарами и смертью. Назад билеты не продавались».

Но происходит еще одно открытие: человеческое добро сильнее материальных тягот. Из накопленных с немалым трудом нескольких сотен долларов снегиревский Алекс больше половины отдает своему другу московскому эстонцу Юкке на лечение матери.

А Спайкер в Англии «с абсолютно неприкрытой очевидностью» начал впервые осознавать присутствие незримых ангелов-хранителей, которые спасали и спасают его и друга каждый раз, когда они оказывались «в пограничном для психики состоянии», на грани полного падения. Помощь приходила именно тогда, когда они уже были готовы «идти менять билет или покупать, точнее, красть мыло и веревку. Что для нас равнозначно, впрочем». В результате Спайкер должен сознаться: «У меня здесь укрепились **вера**». Он в церковь стал ходить!

Вдобавок он, к собственному удивлению, перестает быть расистом. «Никогда не думал, что я, московский хулиган, наци, стану негролюбом». Правда, освобождение от расизма у него довольно своеобразное. В чернокожих соседях они с Собаккой обнаружили родственные натуры бездельников и наркоманов (особенно если это выходцы из Ямайки, родины их общего кумира Боба Марли). Лондонский район Брикстон, где селятся чернокожие, им теперь как родной. Зато пришла ненависть к труженикам-пакам (пакистанцам) и к их районам обитания: Алпертону и др. Чужой там очень дух, невыносимый, хотя продукты, которые пакистанцы употребляют, – самые обыкновенные, в чем убедился герой, не постеснявшись заглянуть в чей-то холодильник. И всю Британию заодно возненавидел Спайкер: «...Я ненавижу эту страну и скоро отсюда сбегу».

«Бездомные и безденежные», порой дурно пахнущие (в прямом, физическом смысле) москвичи из романа А. Снегирева становились в Америке объектами сексуальных домогательств, работали мойщиками посуды, официантами, уборщиками в гостинице. Доедали и допивали за постояльцами. За деньги пробовали сдавать свою сперму в медицинских целях. Ничем подобным не приходилось заниматься дома. Но «наслаждение, испытываемое от жизни за гранью привычных социальных норм, вытеснило брезгливость». И еще кое-что крупное в жизни они поняли. Например, что «победа – это ловушка, фикция», что «победивший расслабляется и деградирует, проигравший вырывается вперед».

Так зачем подонки Сакина отправились в Англию? Это вопрос. Там их встретили знакомые бытовые проблемы: негде ночевать, не на что жить... Они, собственно, не ожидали, что за границей придется легче. Но ночлежник – заграничный путешественник, бомж – заграничный путешественник – это что-то новое.

Этот вопрос – зачем они сюда приехали – персонажи Сергея Сакина и сами стараются прояснить перед читателями повести, не избегая при этом заурядной литературщины.

И все же на семнадцатый день пребывания в Англии забрезжил действительный ответ. Все дни они воровали, мошенничали, спекулировали, уже поднаторели во всем этом, уже появились реальные возможности повернуть более крупную аферу, чем простое воровство продуктов в супермаркетах или махинация с получаемым бесплатно сотовым телефоном. Уже дала о себе знать тоска по дому и разгорелось желание «приблизить заветный день», когда можно будет «наконец вписаться в самолет и с чистой совестью сказать: “Я поставил на лыжи эти чертовы острова”».

Как разъяснено в приложенном к роману вокабуляре, «вписаться» – это войти, попасть, а «поставить на лыжи» – заняться сексом.

Так значит, цель московских подонков (согласно вокабуляру, «подонки – хорошие люди, как правило, низы общества или же стоящие в оппозиции к оному. Авторы данного опуса – подонки») – подчинить себе Британию! Овладеть крепостью западного мира! Насколько же сильна власть имперского сознания... Даже людей, находящихся на последнем, самом низком социальном уровне, она способна увлечь всерьез.

...Вот двое этих московских оборванцев проходят мимо роскошного обувного магазина, даже на порог которого, как они понимают, их не допустят. К тому же есть кому не допустить – в дверях высится холеный крупногабаритный охранник. Обидно. Тогда один из оборванцев разворачивается и орет страшным голосом: «Эй, секьюр! Ты лох! Понял! Хочешь, я сейчас полмагазина вынесу?! Хочешь?» Другому уже смешно: «А ведь действительно вынесет! Только перед отъездом».

Порядок в их сознании восстановлен. Российские подонки снова бесконечно выше карнегианцев, как они меж собой именуют всех этих британских недоумков. Этих наивных в своей честности джентльменов, повсеместно соблюдающих презумпцию невинов-

ности. Спайкер утверждает в представлении, что это именно он «в Лондоне самый крутой». Даже воруют друзья уже не просто для того, чтобы обеспечить себя необходимым, а по наитию свыше. «Наша [воровская] техничность совершенствуется до уже каких-то дзен-буддистских высот». Двухметровый Собакка ощущает, как кражи «начинают доставлять профессиональное удовольствие. Нравится не результат, а процесс». Какой процесс? Процесс утверждения своего российского превосходства над глупым западным миром. Процесс мести ему.

Сходного мнения о загранице (вообще о загранице) придерживается и Виктор из романа-антипутеводителя «Три ада»: «Тот, кто надеется отыскать [в других странах. – Ш. У.] магическую мудрость, быстро разочаруется. Путешествия неизбежно делают русского человека националистом».

Так это или нет – еще вопрос, но во всяком случае «очень многие» преуспевающие русские гости пятизвездочного отеля на берегу Красного моря, которых видит бедная аниматорша Йеза, «не считают арабов за равных себе людей и ничуть не стесняются этого». Не стесняются в лицо называть их «обезьянами», оскорблять «просто так, чтобы позабавиться».

Утверждение собственного национального превосходства есть и в книге Александра Снегирева о поездке двух нищих москвичей в США. Есть оно и в книге Азнавура «Париж, Москва, любовь...» (книга не переводная, автор-француз написал ее по-русски). Однако тут, поверх банальных комплиментов в адрес русской культуры, демонстрируется полное превосходство своего, то есть французского, вкуса и стиля над отсталой Московией.

Зато нет подобного высокомерия у Марии Арбатовой. Она, бедная, готова всему учиться. Ее движение на Запад – это движение вверх, словно бы из грязи в князи. Да и двое детей-подростков при ней. Правда, именно тут, в самом важном для нее пункте, все равно настигнет ее, как и всех других путешественников, горестное разочарование. Выяснится, что нет смысла получать образование на Западе. Она мечтала о таком образовании для своих детей, но уж очень тягостное впечатление оно произвело, когда Арбатова с ним познакомилась. Даже в престижнейшем Итоне ученики оказались «зажатые, замученные, перепуганные... только без пионерских галстуков».

И все же как бросается в глаза при сравнении автобиографического персонажа Азнавура и, например, сакинской компании то особое отношение к соотечественникам, которое свойственно русским, российским людям! Компатриоты, встреченные нами за границей, у нас не в чести. Мы им не слишком радуемся, мягко говоря, хотя внешне стараемся этого не демонстрировать. Иное дело люди «дна», принципиально презирающие принятые в обществе правила поведения. Они могут прямо в лоб: «...к вопросу о присутствии россиян и жителей СНГ в Лондоне. ...Этот самый вопрос встал, можно сказать, костью в нашем одном на двоих ментальном горе. Проще – соотечественники и экс-соотечественники портят здешний пейзаж, а также наше настроение не меньше, чем какие-нибудь fuckin' rakі или косые в Сохо».

Высокомерное презрение по отношению к представителям других азиатских и европейских народов (на том основании, что мы – это не они) не противоречит, оказывается, проявляемой тут же, не переводя дыхания, еще большей неприязни к тем, кто с какой-то стати осмелились оказаться нашими соотечественниками. Видимо, последнее происходит потому, что в них мы моментально узнаем себя, узнаем то дурное, что в нас есть и о чем так хотелось бы нам забыть, задирая нос перед границей.

А эти компатриоты не дают забыть, всюду нам о наших же дурных привычках напоминают. И в метро, когда надувают ближнего при продаже наркотиков-«колес», и своими надписями в общественных туалетах («Андрюха – пидорас» наиболее скромная из них), и в громогласных, с жулебинским выговором, вопросах, вроде «Эй, пацаны, слышите типа где здесь типа русская церковь?» (это, кстати, в Гайд-парке), и в изощренном, ни к селу ни к городу русском мате, который можно услышать в любом месте Лондона... И родной дух, тот самый, которым пахнет Русь, в отличие от описанного в поэме «Руслан и Людмила», оказывается таков, что жить в одной квартире с гостеприимными рогулями, то есть украинцами, просто невозможно, хотя они и земляки наших героев по их львовскому прошлому. Лучше от этих земляков поскорее удрать и переночевать как придется в аэропорту Хитроу, прямо на полу.

Рецензент британского фильма «Bigga Than Ben» заключил, что даже некая антироссийская направленность картины не оставляет

осадка, ибо ее можно списать на автора дневников, написавшего их под лозунгом «Вот он я рашен – сам себе страшен» (Иванов 2008).

И все же этот лозунг был актуален лишь в начале британской дистанции приезжих «подонков». А через месяц жизни в Лондоне ни с кем, кроме как с русскими и неграми, Спайкер и Собакка не общаются. Им непременно требуются родственные души. Оказывается, «выходцы с Красно-Желто-Зеленого континента удивительно, но факт, очень близки по ментальности к нам, русским. Негр всегда готов бросить работу, если надо помочь другу, или оную работу проспать, если имел неосторожность накануне выпиться. У негра можно стрельнуть сигаретку. <...> Для WASPa же работа – культ и фетиш...».

Поэтому если раньше Спайкеру и Собакке был ненавистен всякий смуглый «генетический мусор», то теперь им так же ненавистны белые англосаксонцы. За свою «нездоровую страсть... к работе», за «крайнюю тупость и трусливую зашоренность мышления» они получают от московских «подонков» клейма «киборгов» и «роботов». «На Пикадилли – толпа, пройти невозможно. Роботы гуляют...» Так их теперь, так! Пусть знают наших!

Тот жизненный срез, который открывается в названных повествованиях, убеждает, что на заграничном «дне» национальные различия воспринимаются гораздо острее, чем дома и чем на иных, более высоких этажах общества, да и оборачиваются они, бывает, какой-то новой, непривычной стороной.

Так, русская аниматорша Йеза (Танькова 2008) ловит себя на мысли, что от соотечественников ее уже «неимоверно тошнит. От их поросычье-розовых подгоревших проборчиков на самовлюбленных, глупых головах и от сытых брюшек. От их пьяного гогота, оглашающего по вечерам все закоулки отеля. От их барства и уверенности в собственном превосходстве. Русские мужчины, мужчины моего менталитета и культуры... Как же я далека от них. Гораздо дальше, чем от арабских мальчишек, с которыми у нас менталитет и культура действительно разные, которых я часто не понимаю и с которыми ссорюсь... Но между мной и русскими мужчинами, кидающими камни в “обезьян”, разница гораздо значимее и тяжелее. Русские мужчины... Те самые, глядя на которых русские девчонки уезжают из России и предпочитают мужчин арабских».

Горьковские ночлежники рассуждали о жизни, спорили о человеке, о правде и т. д. А сакинские бомжи? Как, впрочем, и другие – у Снегирева, у Рясова? Не появляются перед ними подобные вопросы. Как будто все на свете им уже известно. Тут всех превосходят герои Сакина. Они заняты исключительно благодеянием брюха, но, наполняя его ворованным «заточем» (из вокабуляра: «точить, затачивать – кушать; пробить заточ – достать, обычно украсть, и немедленно сожрать какую-нибудь еду») и заливая алкоголем («калдыркой»), через это достигают ощущения тотального превосходства над окружающим обществом. Недели за три каждый из них уже способен, во всяком случае теоретически, на «стрижке купонов» (махинации с банковскими карточками) положить в карман больше 3000 фунтов, что в описываемое время составляло около 5000 долларов. Плюс выручка от продажи краденого. «Не Рокфеллер, конечно, но попробуйте-ка заработать столько <...> в нашей родной стране» – вот что приносит им безмерное чувство превосходства.

Да, в теории мы куда как сильны.

Вспоминается начало эпохального сочинения Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»: «Ко мне обратилась группа товарищей из молодежи с предложением высказать свое мнение в печати по вопросам языкознания. <...> Я не языковед и, конечно, не могу полностью удовлетворить товарищей. Что касается марксизма в языкознании, как и в других общественных науках, то к этому я имею прямое отношение. Поэтому я согласился дать ответ на ряд вопросов, поставленных товарищами» (Сталин 1950: 3). То есть я не языковед и вообще никакой не специалист, но достаточно того, что я марксист, поэтому ответ дам на любой вопрос!

Нет давно на свете корифея всех наук, забыты диамат пополам с истматом, а умозрительные представления по-прежнему имеют над нами сверхъестественную силу.

Если бы только не вмешивалась в наше миропонимание реальная жизнь, эта обыденная практика! И вот в карманах сакинских пришельцев вместо ожидаемых легких тысяч фунтов – уже буквально ни пенса, и отчаяние ими овладевает такое, что один из них прямо посреди улицы орет: «...Все, хватит, подумались и будет!!! Пора идти менять билеты и улетать в Москву, ни хрена у нас не выйдет».

Тоскуют по родине герои и всех других, без исключения, повестей и романов.

И все же этот орущий, по кличке Собакка, не стал покидать Лондон. А другой, Спайкер, ведущий повествование, не выдержал, сорвался, и теперь сидит в Москве, «как <...> в проруби»: и без денег, и без бросившей его подружки Насти.

Как и московский топ-менеджер – главный герой получившей большую известность книги «Dухless: Повесть о ненастоящем человеке» Сергея Минаева, персонажи Сакина, Снегирева и Рясова время от времени не прочь поискать духовность, но, оглядевшись по сторонам, так же удовлетворенно констатируют ее отсутствие. Ведь, например, у англичан, в отличие от загадочных русских, вообще нет души. Англичане даже «думают очень мало». Бездуховная, безыдейная нация! Зато Спайкер, который крадет по дюжине банок пива в день, не считая прочих вещей и продуктов, – человек высокого интеллекта. Кражи для него не главное. Он увлечен обдумыванием (поистине обломовским) сразу двух эссе. Одно – «Раса роботов» (о бездуховности англичан), другое – «Мажоры и нелегалы» (о бездуховности братьев по классу).

И при этом Спайкер всегда готов подгадить другому человеку, да так, что тот окажется за решеткой. Чего стесняться проделать подобное с каким-то цейлонцем?!

Выводы. Их, по крайней мере, три.

Наше общество в своем поведении, в своих внешних, да и внутренних проявлениях гораздо более однородно, чем может показаться на первый взгляд и чем оно выглядит со стороны. Бомжиподонки с высшим гуманитарным образованием (у Сакина), компания мелких торгашей и люмпенов (у Рясова), нуждающиеся в заработке студенты (у Снегирева), нуждающиеся в заработке одинокие, неустроенные женщины, а также богатые и самодовольные русские курортники (у Таньковой) оказываются родственно схожими друг с другом, да и со всеми нами, что самое поразительное. Вот факт, который вырисовывается на перекрестье этих романов-путешествий.

То ли общее, слишком общее коммунальное, коммунистическое прошлое слишком сильно держит и скрепляет нас, то ли что-то другое? Как, например, утверждает редактор таджикской оппозиционной газеты «Чароги руз» Дододжон Атовуллоев: «Мы – дети

той (советской. – III. У.) эпохи, тех свершений и, наверно, бед... Но главное – страна наделила нас единым типом сознания» (Медведев 2009: 180). И этот «единый тип сознания» дает о себе знать даже у совсем молодых людей – ведь иным из названных путешественников было всего лет десять в переломном 1991 году!

И второй вывод: однородность эта, что необходимо признать, способна нести заряд отрицательный, заряд разрушительный как по отношению к внешнему, заграничному миру, так и к внутреннему миру самих персонажей, наших соотечественников в целом, не исключая никого из нас.

Третье. Как ни относиться к отдельным такого рода путешественникам, сами зарубежные поездки людей «дна» оказались возможными только в условиях глобализации, демократизации, открытости, которые стали устанавливаться в мире и в нашей стране за последние 15–20 лет. Оказались одним из следствий этой обновлявшейся обстановки...

Теперь над ней нависла угроза. Так, авторитетный британский историк и экономист Нил Фергюсон предсказывает, что идеи европейской интеграции будут надолго положены под спуд, потому что в Европе наступает время протекционизма, национализма, партикуляризма, то есть обособленности. «Это не просто кризис мировой экономики, – сказал он. – Это кризис глобализации» (Абаринов 2009).

Тут сосредоточен социальный и исторический фокус поставленного вопроса. Если протожанр, о котором шла речь, не разовьется в жанр, то это будет свидетельством (конечно, далеко не единственным, не главным, но специфически весьма точным) того, что наш мир вновь далек от перспективы стать «единым человечьим общежитьем», контуры которого вроде бы начали действительно вырисовываться к рубежу прошлого и нынешнего тысячелетий.

Что касается личного отношения автора, то ему очень бы хотелось, чтобы, несмотря на вопиющие издержки подобных путешествий (повествования С. Сакина, А. Рясова, Я. Таньковой их предостаточно демонстрируют), сами они, такие путешествия, множились. И значит, греческая приставка «прото» с какого-то доброго, хорошего, чудесного момента оказалась бы излишней.

Литература

- Абарин, В.** 2009. Пока погром не грянет... *Грани.Ру*. 2 марта. URL: <http://www.grani.ru/Politics/World/Europe/m.148142.html>
- Азнавур, М.** 2007. *Париж, Москва, любовь...* М.: Рипол Классик.
- Арбатова, М.** 2002. *Уроки Европы: Проза*. М.: ЭКСМО-Пресс.
- Залыгин, С. П.** 1972. *Литературные заботы*. М.: Современник.
- Иванов, А.** 2008. Мальчиши-факиши. 5 августа. URL: <http://www.volgograd.ru/theme/info/culture/movie/kino/166772.pub>
- Компаньон, А.** 2001. *Демон теории: Литература и здравый смысл*. М.: Изд-во им. Сабашниковых.
- Лотман, Ю. М., Успенский, Б. А.** 1984. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры. В: Карамзин, Н. М., *Письма русского путешественника*. Л.: Наука.
- Медведев, В.** 2009. Золотые колосья и золотой телец. *Дружба народов* 3: 175–184.
- Рясов, А.** 2003. *Три ада: Роман-антипутеводитель*. М.: Изд-во Р. Элинина.
- Сакин, С.** 2002. *Больше Бена*. М.: МАМА Пресс.
- Снегирев, А.** 2007. *Как мы бомбили Америку*. СПб.: Лимбус Пресс.
- Сапрыкина, Е. И., Шпагин, П. И.** 1971. Путешествие. *Краткая литературная энциклопедия* / под ред. А. А. Суркова: в 9 т. Т. 6. М.: Сов. энциклопедия.
- Сталин, И. В.** 1950. *Марксизм и вопросы языкознания*. М.: Госполитиздат.
- Танькова, Я.** 2008. *Замуж за араба и другие восточные сказки*. М.: РОСМЭН.
- Шачкова, В. А.** 2008. «Путешествие» как жанр художественной литературы: Вопросы теории. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 3: 277–281. Серия Филология. Искусствоведение.